

**ОБ ОБЩНОСТИ ИНСТИТУТА ПОБРАТИМСТВА
И ТЕРМИНА *ᠵᠠᠳ* У КИДАНЕЙ И МОНГОЛОВ**

В изучении истории кочевых народов, когда-то заселявших степи Центральной Азии, — гуннов, тоба, сяньби, жоужуаней, киданей и др., сделано пока еще мало. Этногенетические и культурные связи между ними по существу не изучены. Поэтому выяснение даже частных вопросов, касающихся этого круга проблем, для отдельных кочевых народов региона, например, монголов и киданей, представляет большой интерес.

Нами сделана попытка установить общность обычая побратимства у киданей и монголов, а также термина «*ᠵᠠᠳ*», связанного с этим институтом.

На этапе разложения родовых отношений побратимство у монголов означало союз между двумя лицами. Такой союз заключался обязательно с лицом из чужого рода (человек из своего рода и так должен быть другом), сопровождался совершением определенных обрядов и обязательным обменом подарками. У древних монголов побратимы назывались «анда». В комментарии к тексту «Юань ши» («История [династии] Юань») указывается, что под словом «анда» имеются в виду друзья, обменявшиеся вещами¹. Акад. Б. Я. Владимирцов по этому поводу писал: «Два лица, обычно принадлежащие к разным родам, хотя бы и близким, заключают между собой союз дружбы и непременно обмениваются подарками, после этого они становятся *anda* — „названными братьями“ — таков древний монгольский обычай»².

Согласно «Тайной истории монголов», Джамуха и Тэмуджин впервые обменялись подарками (детскими игрушками) и поклялись быть андами еще тогда, когда Тэмуджину было только одиннадцать лет. Через некоторое время они снова обмениваются стрелами и опять клянутся в верности как анды. Те же Тэмуджин и Джамуха после победы над меркитами вспомнили старую дружбу и решили подтвердить свое побратимство. «Темучжин опоясал Чжамуху золотым поясом, захваченным у Меркитского Тохтоа, и посадил его на Тохтоаеву кобылу, по прозвищу Эсхельхалиун (Выдра). А Чжамуха опоясал анду Темучжина золотым поясом, добытым у Меркитского Даир-Усуна, и посадил Темучжина на Даир-Усунова же коня Эберту-унгун (Рогатый жеребчик)»³.

Побратимство у монголов налагало на побратимов серьезные обязательства. Из «Тайной истории монголов» известно много случаев, когда анда выступает в поход или должен был выступить в поход, чтобы поддержать своего побратима. Б. Я. Владимирцов так характеризовал обязанности анды: «В действительности от двух *anda* не требовалось обязательно жить вместе, *anda* должны были только поддерживать друг друга

¹ Юань ши — «История [династии] Юань», изд. Бо-на, гл. 1, стр. 6а. Пояснения в скобках наши.

² Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934, стр. 60—61.

³ «Тайная история монголов», § 117; см. русский перевод: С. А. Козин, Сокращенное сказание, Юань чао би ши, М.—Л., 1941, стр. 105—106.

и помогать друг другу, точно члены одного и того же *овох'а* — рода»⁴. Необходимо отметить, что анда должен был относиться к сыну своего побратима, как к собственному сыну, и поддерживать его в трудные минуты; сын же анды должен был почитать побратима отца, как своего родного отца, и имел определенные обязательства по отношению к нему. Именно этим определялись отношения между Ван-ханом кэрэйтским и Чингис-ханом, отец которого Есугэй был андой Ван-хана.

Существовавший среди монголов институт побратимства Б. Я. Владимирцов относил к области межродовых отношений⁵.

Подобный институт мы находим и у киданей. Например, в «Ляо ши» («История [династии] Ляо») в биографии Елюй Хэ-лу говорится: «Когда Тай-цзу (храмовый титул основателя государства киданей Абаоцзи) вырос, они (т. е. Тай-цзу и Елюй Хэ-лу) обменялись в знак дружбы шубами и конями»⁶. В 983 г. киданьский император Шэн-цзун обменялся с военачальником Сечжэнем луками и стрелами, седлами и лошадьми. Шэн-цзун и Сечжэнь объявили себя братьями⁷. Необходимо отметить, что Абаоцзи и Елюй Хэ-лу относились к разным родам одного большого родоплеменного коллектива елюев, который Отаги Мацуо считает фратрией⁸.

Это дает основание полагать что побратимство у киданей, как и у монголов, было, по-видимому, формой межродовых отношений. Однако побратимство у киданей распространялось также на область международных отношений. Это подтверждается примером из истории взаимоотношений между киданями и ханьцами (китайцами).

Когда к началу X в. кидани усилились и начали совершать набеги на китайские земли, правители китайских пограничных областей, борющиеся между собой за власть, не только не давали киданям должного отпора, а, наоборот, старались привлечь их на свою сторону для успешной борьбы со своими политическими соперниками. В частности, в 905 г. «Ли Кэ-юн — правитель танского района Хэдун прислал к Тай-цзу толмача Кан Лин-дэ с предложением заключить союз. Зимой, в десятой луне, Тай-цзу во главе семидесяти тысяч всадников встретился с Ли Кэ-юном в Юньчжоу, где было устроено пиршество. Ли Кэ-юн просил об оказании военной помощи для того, чтобы отомстить Лю Жэнь-гуну за битву при р. Мугуацзян, на что Тай-цзу дал согласие. Они обменялись халатами и лошадьми и условились быть братьями»⁹.

После смерти Ли Кэ-юна его сын Ли Цунь-сюй в 923 г. основал новую династию Поздняя Тан, но через три года был убит во время мятежа. В 926 г. на престол вступил приемный сын Ли Кэ-юна Ли Сы-юань. В том же году он отправил придворного сановника Яо Куня к императору киданей, чтобы сообщить о смерти Ли Цунь-сюя. Как указывается в источнике «Цидань го чжи» («История государства киданей»), услышав о смерти Ли Цунь-сюя, Тай-цзу, прослезившись, сказал: «О, сын моего *чжао-дина*! (о термине «чжао-дин» см. ниже — В. Т. и Н. М.). Я как раз хотел помочь ему, но поскольку государство Бохай не было покорено, я не посмел выступить [на помощь], в результате чего моего сына постигла такая судьба»¹⁰. То же сообщение, но в несколько другой редакции, есть в «Новой истории пяти династий»: «Подняв голову к небу, Абасцзи, громко рыдая, сказал: Цзинь-ван (титул Ли Кэ-юна. — В. Т. и Н. М.) и я условились быть братьями, а поэтому император к югу от реки (Хуанхэ — В. Т. и Н. М.) являлся и моим сыном. Некоторое время

⁴ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 61.

⁵ Там же.

⁶ Ляо ши — «История [династии] Ляо», изд. Бо-на, гл. 73, стр. 1а.

⁷ Там же, гл. 10, стр. 5а.

⁸ Отаги Мацуо, Кэйтан кодайси но кэнкю — «Изучение древней истории киданей», Киото, 1959, стр. 11 сл.

⁹ Ляо ши, гл. 1, стр. 2а.

¹⁰ Цидань го чжи — «История государства киданей», гл. 1, стр. 5а.

тому назад я услышал о смуте в Среднем государстве и хотел выступить на помощь моему сыну во главе пятидесяти тысяч всадников, но государство Бохай не было еще уничтожено, а поэтому не смог выполнить своего желания»¹¹.

Эти отрывки дают основание полагать, что у киданей даже политические союзы с китайцами оформлялись как побратимство.

В первом отрывке из «Цидань го чжи» мы встречаемся со словом *чжао-дин*. Нам представляется, что под этим словом подразумевается существовавший у кочевых народов институт *jad*. Так, у древних монголов члены каждого рода называли своих сородичей *uruq'*ами, тогда как члены других родов назывались *jad'*ами. «Для каждого члена древнего монгольского рода,— писал Б. Я. Владимирцов,— сородич был *urux ~ urug* «потомок, отпрыск данного рода», следовательно «родственник, родной, сородич»; между тем, как всякое чужеродное либо было *jad* «чужой, иностранец»; все, значит, делилось на *urux'ов* и *jad'ов*»¹². Термин *jad* встречается в «Тайной истории монголов». Согласно этому памятнику предок Чингисхана Бодончар (*Bodončar*), захватив беременную женщину рода *jarči'ut*, женился на ней, и когда она родила сына, назвал последнего *jadaradai*, так как он был от чужого (*jad*) племени¹³. Точно так же Ли Кэ-юн, побратим Тай-цзу, являлся для последнего представителем не своего, а чужого рода, т. е. *jad*. Отсюда можно сделать вывод, что термин *чжао-дин* состоит из двух частей слова *jad* — чужой, иностранец и окончания род. п. *yin*, которое в большинстве монгольских диалектов произносится с носовым *ng* как *ying*.

Из приведенных отрывков видно, что слово «чжао-дин» относится к Ли Кэ-юню, с которым побратался Тай-цзу в 905 г. в Юньчжоу, а под словом «сын» имеется в виду убитый сын Ли Кэ-юна — Ли Цунь-суй, которого Тай-цзу по закону побратимства считает своим сыном.

1	2	3	4	5
朋友	朝	定	朝	兒

6
我朝定兒也

Разговор между Тай-цзу и Яо Кунем велся на киданьском языке, скорее всего через переводчика. С одной стороны, это подтверждается наличием в тексте киданьского слова, а с другой стороны, в китайских летописях сохранилось ценное для данного случая указание: «Я умею разговаривать по-китайски,— сказал Тай-цзу в беседе с Яо Кунем,— но не говорю об этом соотечественникам, так как боюсь, что они будут подражать китайцам и станут трусливыми и слабыми»¹⁴. Очевидно, что если бы разговор происходил на китайском языке, то Тай-цзу не надо было сообщать Яо Куню о своем умении говорить по-китайски.

Обращает на себя внимание то, что если в тексте «Цидань го чжи» слово «сын» переведено на китайский язык, то слово *чжао-дин* оставле-

¹¹ Синь у дай ши — «Новая история пяти династий», изд. Бо-на, 1931, гл. 72, стр. 66.

¹² Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 59 (в транскрипции автора).

¹³ «Тайная история монголов», § 38, 40; русский перевод см.: С. А. Козин, Указ. раб., стр. 82; см. также Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 52, прим. 4.

¹⁴ Синь у дай ши, гл. 72, стр. 7а.

но без перевода и дано в китайской транскрипции. Очевидно, киданьский термин, обозначавший институт, существовавший у киданей, был мало знаком китайцам, а поэтому был оставлен без перевода из-за отсутствия эквивалента на китайском языке. Об этом, в частности, свидетельствует вставка в тексте, поясняющая, что *чжао-дин* схоже с китайским словом пэнь-ю (1) — «друг, приятель» (см. таблицу). Надо отметить, что китайское толкование слова основано, по-видимому, только на конкретной обстановке (дружественная атмосфера) и исходит от человека, не знавшего киданьский язык.

Китайский посол Яо Кунь, по-видимому, не говоривший или плохо понимавший киданьский язык, воспринял это словосочетание — самостоятельную лексическую единицу и грамматическое окончание, как единое слово, и транскрибировал его двумя китайскими иероглифами *чжао* (2) и *дин* (3), в результате чего конечный согласный *d* знаменательного слова оказался в составе второго транскрипционного знака. Однако следует оговорить, что такая транскрипция была неизбежной, даже если бы Яо Кунь хорошо знал киданьский язык и его грамматику, так как в китайском языке в X в. уже не существовало закрытых слогов типа *jad*, а поэтому транскрипция слова одним иероглифом являлась просто невозможной. Кроме того, нужно иметь в виду, что окончания типа *yin* являются энклитиками, образуя с предшествующим словом единое фонетическое целое. В данном случае сочетание *jad-yin* для Яо Куня звучало как одно слово, и он, не задумываясь над связью между компонентами сочетания, протранскрибировал его двумя иероглифами. Это было совершенно естественно для китайца Яо Куня, родной язык которого, являясь языком аморфным, не знает падежей и падежных окончаний, характерных для флективных и агглютинативных языков. Транскрибирование слога *ja*, входящего в слово *jad*, посредством китайского иероглифа *чжао* (4), также не вызывает удивления, так как в монгольских и тюркских языках того времени, как и в современных, отсутствовало сильное экспираторное ударение, и для представителя другого языкового мира, каковым являлся Яо Кунь, безусловно, было трудно уловить фонетическое различие между *jao* и *ja*, в результате чего он дал транскрипцию *jao-ding*, что, как было указано выше, соответствует *jad-yin*. В связи с этим следует отметить, что иероглиф *чжао* (соврем. пекинский диалект) в то время, возможно, звучал как *jau*. Этот иероглиф читается именно так в «Тайной истории монголов» и двуязычных сино-монгольских памятниках XIV в. Вопрос об этом слого, встречающемся в составе монгольского топонима у Рашид-ад-дина¹⁵, представляет особый интерес, равно как и его соотношение с киданьским термином *цзю* (5) (кит. транскрипция).

Окончание род. п. *yin*, наряду с другим окончанием того же падежа *in*, всюду встречается в «Тайной истории монголов» — самом раннем (1240 г.) памятнике старо-монгольского языка. Так, в нем мы встречаем выражения: *Qarču-yin kō'ün* — сын Харчу; *Sali-Qača'u-yin kō'ün* — сын Сали Хачау; *Tamača-yin kō'ün* — сын Тамачи и т. д.¹⁶

Поэтому фраза «О, сын моего чжао-дина» (6) должна быть переведена: «О, сын моего *jad'a!*», т. е. «О, мой чужеродный сын».

Такой предлагаемый нами перевод полностью оправдывается отношениями, существовавшими между Тай-цзю, Ли Кэ-юном и Ли Цунь-суйем.

Таким образом, у киданей, как и у монголов, существовал обычай побратимства, а киданьский термин *jad* — «чужеродный» и даже, возможно, окончание род. п. *yin* были общими с монгольскими.

¹⁵ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, перевод О. И. Смирновой, М.—Л., 1952, стр. 163.

¹⁶ «Тайная история монголов», § 2, 3; русский перевод см.: С. А. Козин, Указ. раб., стр. 203.